

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 716.7+82

DOI: 10.18287/2782-2966-2024-4-2-114-122

Дата поступления: 03.03.2024
рецензирования: 02.06.2024
принятия: 15.06.2024

В.П. Козырьков

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация
E-mail: kozir3@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4688-0125>

Пушкинская традиция анализа гендерных отношений

Аннотация: в статье раскрывается специфика пушкинского художественного анализа гендерных отношений. «Долг, завещанный от Бога», – эти слова Пимена Пушкин относил и к миссии поэта в русской культуре. Тем самым он дал образец для развития всей духовной культуры, включая социальные науки. Выявляется роль пушкинской традиции в формировании науки об отношении полов. Именно для Пушкина характерно особое внимание к проблемам отношения мужчин и женщин. В этой связи анализируется взаимосвязь исследований гендера и частной жизни. Анализ пушкинской традиции изучения гендерных отношений приводит автора статьи к выводу, что в российском обществе они существуют как противоречивый феномен. Рассматривается развитие пушкинского подхода к анализу гендера самим Пушкиным. Ключом к раскрытию противоречивости гендера у Пушкина является дом человека. Противоречия гендера в статье демонстрируются анализом ряда примеров. Из наследия Пушкина анализом пародии гендера. Примерами из творчества А. Блока и М. Горького, которые развивали пушкинскую традицию. По совокупности рассматриваемых проблем исследование потребовало диалектического и междисциплинарного подхода.

Ключевые слова: Пушкин; Горький; Блок; традиция; гендер; противоречивость; русская культура.

Цитирование: Козырьков В.П. Пушкинская традиция анализа гендерных отношений // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2024. Т. 4, № 2. С. 114–122. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-2-114-122>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© **Козырьков В.П., 2024** – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры отраслевой и прикладной социологии, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 603000, Российская Федерация, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23.

SCIENTIFIC ARTICLE

V.P. Kozyrkov

Lobachevsky State University of N.Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russian Federation
E-mail: kozir3@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4688-0125>

Pushkin' Tradition of Analysing Gender Relations

Abstract: the article reveals the specificity of Pushkin's artistic analysis of gender relations. “Duty bequeathed from God” – it is these words of Pimen that Pushkin referred to as the mission of the poet in Russian culture. Thus he gave a model for the development of all spiritual culture, including social sciences. The role of Pushkin's tradition in the formation of the science of gender relations is revealed. It is for Pushkin that special attention to the problems of male-female relations is characteristic. In this regard, the interrelation of studies of gender and private life is analyzed. The analysis of Pushkin's tradition of studying gender relations leads the author of the article to the conclusion that in Russian society they exist as a contradictory phenomenon. The development of Pushkin's approach to the analysis of gender by Pushkin himself is examined. The key to revealing the contradictory nature of gender in Pushkin is the human home. Contradictions of gender are demonstrated in the article by analyzing a number of examples from Pushkin's heritage by analyzing the parody of gender. Examples from the works of A. Blok and M. Gorky, who developed Pushkin's tradition. In

the view of the totality of the problems considered, the research required a dialectical and interdisciplinary approach.

Key words: Pushkin; Gorky; Blok; tradition; gender; gender contradiction; Russian culture.

Citation: Kozyrkov, V.P. (2024), Pushkin' Tradition of Analysing Gender Relations, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 4, no. 2, pp. 114–122, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-2-114-122>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© **Kozyrkov V.P., 2024** – Doctor of Sciences in Sociology, Professor, Professor of Industry-specific and Applied Sociology, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, 23, Prospekt Gagarina, Nizhny Novgorod, 603000, Russian Federation.

Введение

Являясь по природе новаторским, пушкинское наследие в различные исторические эпохи становилось истоком и примером реформирования духовной структуры общества, включая социально-гуманитарную науку. Поэтому оно исследуется не только литературоведами, но и философами, социологами, а сейчас и представителями гендерных исследований (Бояринова 2016; Герасименко 2020; Леонова 2023). Мультидисциплинарность самих гендерных исследований вызывает необходимость анализа общего порядка. В частности, общих проблем, решаемых в поэзии Пушкина (Волков 1989; Лотман 1994; Stewart).

В русской культуре наследие А.С. Пушкина давно перестало быть только художественной величиной. Оно превратилось в своеобразный идентификатор, позволяющий определить принадлежность новых ценностей к сложившемуся русскому культурному коду. При всем многообразии форм и отклонений в различные исторические эпохи русская духовная культура всегда возвращалась к пушкинской традиции, находя в ней меру принятия тех ценностей, которые привлекали в другой культуре.

Пушкинская традиция в художественном анализе отношения полов и его непреклонная вера в единство и величие человеческой природы способны стать потенциалом свободного общественного устройства на основе социальной науки нового типа, в которой не игнорировалась бы проблема гендера.

Общий анализ пушкинской традиции позволяет осуществлять без риска творческие научные поиски в резко изменяющихся новых условиях, ибо всегда есть возможность вернуться «домой». В частности, к наследию Пушкина, вобравшего в себя традиционные и новаторские идеи в анализе гендера.

Своей способностью удерживать противоречия в своей поэзии Пушкин бывал многим неприятен. От него ждали только художественной гармонии. Такое отношение началось уже при жизни Пушкина, когда он задал новую парадигму развития русской мысли, поэзии и русского языка (Шкловский 2020; Лифшиц 2010). И за двести

лет существования пушкинской традиции мы видели неоднократные попытки отойти от Пушкина и даже отбросить его наследие как духовный балласт в культуре России. Но историческое развитие культуры вновь возвращало нас к Пушкину и его подходу к анализу духовной культуры, носить в себе «дух русского языка».

Цель предлагаемой статьи – дать общую характеристику пушкинского подхода к художественному анализу гендерных отношений.

Метод – социокультурный анализ диалектической и междисциплинарной направленности.

Доминирующий подход к исследованию гендера и частная жизнь

Как только социальные отношения стали исследоваться через призму гендера, а кем-то даже отождествляться, так художественная литература стала выходить на передний план в их выражении, так как социальная наука по разным причинам изначально исключила отношения полов, а вместе с ними и частную жизнь из своих приоритетных объектов исследования.

В русской литературе А.С. Пушкин впервые выразил противоречивость гендерных отношений. Создаваемые им женские и мужские образы внутренне конфликтны, начиная с ранних произведений и сказок. В рассматриваемый период частная сфера жизни преимущественно продолжала культивироваться как область жизнедеятельности женщины, а публичная – мужчин. Только к концу XIX века установился определенный когнитивный паритет на право исследования частной жизни, а вместе с ней и отношений полов, наравне с публичными сферами. Но происходило это с различных позиций: во-первых, с определения отношения полов как первичных отношений людей, которые являются продуктом духовных процессов: религии, искусства, морали, идеологии; во-вторых, с классово-экономических позиций, в которых отношения полов, частно-семейные отношения ставились в подчиненное отношение к классам.

В социальной науке реформаторами такого подхода и создания особой науки о частной жизни стали Г. Зиммель и В.В. Розанов. Но сделали они это по-разному.

Г. Зиммель через анализ женского движения и раскрытие сущности женщины и ее отличий от сущности мужчины. В.В. Розанов выделяет сферу частной жизни как первичное пространство проявления женских атрибутивных свойств и качеств, а частное пространство отождествляет с домом.

Г. Зиммель приходит к выводу, что главное достижение женщин в развитии культуры является «дом и влияние женщин на мужчин» (Зиммель 1996, с. 255). При этом дом выводится на передний план. По его мнению, «дом – это часть жизни и вместе с тем особый способ соединять, отражать, формировать всю жизнь. Свершение этого является великим культурным деянием женщины» (Зиммель 1996, с. 257).

Правда, непонятно, кто же построил дом и для кого. Да и обустройство и обживание дома нельзя рассматривать в отрыве от мужчины и детей, как продукта семейного союза мужчины и женщины. В конечном счете, если что-то создано мужчинами, право, например, то оно приписывается заслугам мужчин. Но ведь само существо мужчины неотделимо от женщин, как противоположного пола, поэтому в любом мужском деянии имплицитно присутствует женщина.

Однако все женское движение нацелено лишь на достижение социальных качеств, которыми обладают мужчины, и тот социальный статус, который они обретают в обществе, существующем на основе такого типа разделения труда, в чем видится установление «гендерного равенства». Характер отношения полов складывается исторически под воздействием объективного общественного разделения труда, а не результат произвольного конструирования.

Утверждение пушкинской традиции в формировании гендерного сознания

Хотя еще иронично обсуждается вопрос, почему, как когда-то выразился А. Григорьев (Григорьев 1986, с. 78), Пушкин «наше все», но без обращения к тому значению, который придавался этому выражению самим критиком. А для В. Набокова важно было доказать, что многое о Пушкине есть миф, но задает основание «нового, по своему пленительного мифа» (Набоков 1995). Доказывается, что сказки А. Пушкина, являются выражением социальных оценок поэта различных явлений российского общества, выступают идентификатором национальной идентичности. Россия идентифицируется, то с мужским, то женским началом (Why do Russians call Pushkin «our everything»; Stewart). Разумеется, А. Пушкин никогда бы не согласился, что «наша объективная культура является – за исключением очень немногих областей – только мужской» (Зиммель 1996, с. 235). Точно так же, он не согласился бы с идентификацией России с «вечной женственно-

стью», к чему тяготел В. Соловьев (Рябов 1999; Козырьков 2019). Разве только согласился бы с иронией, обозвав ее «бабой», как он как-то называл поэзию. Ведь если что-то создано мужчинами, социология, например, то она не становится заслугой только мужчин. Хотя бы потому, повторимся, что само гендерное существо мужчины неотделимо от женщины: в любом мужском деянии имплицитно присутствует женщина в различных ее проявлениях, начиная от способности к деторождению и заканчивая способностью преданно любить и заботиться о мужчинах, как он любит своих детей.

Вряд ли, например, К. Маркс смог бы совершить свой научный подвиг в области познания истории, если бы рядом не было его жены, Женни, после смерти которой в 1881 году, К. Маркс уже не работал над своим «Капиталом», а тихо умирал. В пример непосредственных заслуг в области социологии культуры можно назвать и мадам де Сталь, которая написала произведение по истории литературы в социологическом ключе задолго до Конта и Маркса (Сталь 1989). Пушкин, знаток французской литературы, не мог не знать этого произведения, указывая на его значение в «Евгении Онегине». Например:

Нас пыл сердечный рано мучит.

Очаровательный обман,

Любви нас не природа учит,

А Сталь или Шатобриан¹.

В. Розанов, утверждая первичность женского начала, частной жизни и дома, создавал своеобразную социальную науку об отношении полов «методом нежности» и отвергал позитивистскую социологию, поскольку в ней нет этих тем (Козырьков, 2018). Несомненно, это проявление пушкинской традиции.

В основанной Пушкиным художественной традиции воспроизведения гендерных отношений это было сделано оригинально даже для нашего времени. Именно в этом смысле А. Григорьев называл А. Пушкина «наше все», так как «это только контурами набросанный образ народной нашей сущности, – образ который мы долго еще будем оттенять красками» (Григорьев 1986, с. 78). Но то, что А. Григорьев называет «контуром» народной сущности, есть ее социологический образ, который А. Пушкин представил художественными средствами, в том числе отношения полов.

Пушкин сумел показать противоречивость мужских и женских образов, когда женский образ становится идеалом, а мужской – пародией. Уже в ранних стихах и романтических поэмах проводится им поэтический анализ противоречивости женских и мужских персонажей, взаимосвязь образов

¹ Цитаты даны по изданию: Пушкин А.С. Собр. соч. в 10-и т. М.-Л.: Наука, 1950-1951.

идеала прекрасного и образов низменных человеческих качеств.

Таким образом, важно подчеркнуть не только контурность, но и противоречивость гендера, раскрытого А. Пушкиным. Проблема, которую каждый по-своему решили В.Г. Белинский и Д.И. Писарев. У них существовало, говоря словами Г. Плеханова, «социологическое чутье», которое он нашел, прежде всего, у В. Белинского. А Д.И. Писарев много гневных слов высказал в адрес мужских черт Е. Онегина, но и, одновременно, детально разобрал противоречивые отношения Онегина с Татьяной (Писарев 1956) в социальном аспекте.

Структура гендерных отношений в «Евгении Онегине»

Теперь попробуем обрисовать структуру гендера, как она выражается в главном художественном произведении, «Евгении Онегине». Разумеется, сделаем это тоже контурно, схематично, что и является особенностью социокультурного подхода.

В поэтическом романе мы видим образ Татьяны Лариной как «девы гордой идеал». Эта сторона особенно подчеркивалась В.Г. Белинским и была близка самому поэту, создателю возвышающего женщину образа. Однако этот образ противоречив и противопоставляется образу Онегина, который как личность представлен в сниженном состоянии, не как идеал, а как пародия. Это видно из того, что Пушкин показал противоречивость гендера мужественности. Покажем это в стиле анализа, который проделал Д. Писарев.

Так, мужественность приписывается Татьяне, так как она мужественно призналась в любви Онегину, а потом также мужественно отказалась от нее, когда вышла замуж за другого человека. Е. Онегин не проявил достойных мужчине черт мужественности по отношению к Татьяне и к Ленскому, но зато он показал качества денди, модного мужчины, имеющего успех у женщин. К тому же он три часа проводил перед зеркалами, как это делают женщины. Через несколько лет показана ситуация тоже не в пользу мужественности Е. Онегина: он смиренно стоит на коленях перед Татьяной, но уже не перед деревенской девочкой, а перед светской дамой. Как в первом, так и во втором случае, Онегин не проявил настоящих мужских качеств, хотя сам Онегин был уверен, что это не так, когда принял вызов на дуэль от своего друга, Владимира. Таков тогда был кодекс мужской чести.

Противоречив и гендер женственности. Внешняя особая красота, внимание к мелочам, заботливость, нежность, верность – этими чертами А. Пушкин наделил Татьяну Ларину, свой идеал. Повторю, что красота ее была необычной: «красотой сестры своей, / Ни свежестью ее румяной / Не привлекла б она очей». По крайней мере, поэта

Владимира не привлекла. Но зато привлекла внимание денди Е. Онегина, на что он обратил внимание своего друга: «“Неужто ты влюблен в меньшую?” / – А что? – “Я выбрал бы другую, / Когда б я был, как ты, поэт. / В чертах у Ольги жизни нет“». Это делает Онегину честь, что заметила и оценила сама Татьяна, иначе она не написала бы ему знаменитого письма. Правда, в своем объяснении с Татьяной Онегин, отмечая ее «совершенства» (ум, пламенную душу, искренность), выносит такой приговор: «Напрасны ваши совершенства / Их вовсе недостоин я». Онегин отказался от любви, не найдя в себе мужества любить. По этой же причине убил на дуэли и своего друга, Владимира. Денди в нем оказался сильнее мужчины.

Через несколько лет, когда происходит другое объяснение Онегина с Татьяной, верность в структуре женственности Пушкин подчеркнул особо запоминающейся фразой: «Но я другому отдана / И буду век ему верна». Нужно сказать, что эту черту Татьяны каким-то образом сразу оценил Онегин при первом объяснении: «То, верно б, кроме вас одной / Невесты не искал иной». И во втором объяснении Татьяна признается в том, что любит Евгения, то есть она верна ему в любви. Именно эта черта женщины, верность, для А. Пушкина представлялась главной, поскольку она вытекала из биологической и культурной природы женщины, получающей закрепление в замужестве. Но верность Татьяны имеет противоречивый характер: верность в замужестве и верность в любви отделяются друг от друга. В то же время, противоречивость этой черты женственности Татьяны противопоставляется женской неверности ее сестры, Ольги, так как «недолго плакала» после смерти Владимира и вышла замуж за улана.

Таким образом, А. Пушкин производит художественный анализ гендерных отношений, который дисциплинарно, естественно, не приписывается к социологическому, но по своему новаторству и проникновению в социальные отношения полов не уступает современным гендерным исследованиям, а в чем-то и превосходит их. Это объясняется тем, что в своем романе стержнем поэзии А. Пушкин сделал соотношение частной и публичной жизни, духовную культуру своей эпохи. Поэтому ему и удалось показать противоречивость мужских и женских образов, сделав женский образ идеалом, сформированный частной жизнью, а мужской – пародией, поскольку пародийна была публичная жизнь, в которой вращался Онегин. Социологичность здесь в том, что анализ гендера дан через взаимосвязь приватного и публичного в обществе, а не в частной жизни.

Вспомним еще одну пародийную ситуацию, не совсем явную, но которая возникла после долгого расставания Е. Онегина с Т. Лариной. Она вышла замуж за князя, генерала и стала княгиней. Оне-

гин приезжает и влюбляется так же, как когда-то влюбилась в него Татьяна. Но теперь уже он стал писать признательные письма. В конце концов, Онегин стоит на коленях перед Татьяной Лариной и между ними происходит объяснение в любви и, одновременно, разрыв отношений, но теперь уже по инициативе Татьяны.

Казалось бы, на этом можно было бы поставить точку, как это сделал сам поэт в романе. Но если вдуматься, то по сути дела Пушкин дает нам пародию на признание в любви, так как Татьяна давно уже поняла пародийность Онегина, когда посещала его дом, читая его рукописи и пришла к выводу: «Уж не пародия ли он?». Давно возникла дистанция в оценке его как объекта поклонения. И ведь она не случайно вспомнила про лукавство в самом признании: «я вас люблю, к чему лукавить». Ее первая любовь не была вытеснена другой любовью. Поэтому любовь к Онегину у нее останется единственной, так как она «другому» лишь «отдана». В этом и состоит элемент лукавства, с которым ей придется остаться до конца жизни: любить Онегина, но считать его пародией; одного любить, а жить с другим, поскольку ему «отдана». Возник гендерный конфликт, который потом попытался разрешить Л.Н. Толстой в «Анне Карениной», но безуспешно. Пушкин поступил мудрее, оставив Татьяну в живых, а Евгения Онегина перед ней на коленях.

Но вернемся к ситуации, когда Татьяна поняла пародийность Онегина. По мере вживания в атмосферу онегинского дома, Татьяна постепенно обретает реалистичное понимание характера своего кумира. С представления об Онегине спадает романтический ореол до такой степени, что в сознании Татьяны возникает шокирующе отрезвляющий вывод о пародийности Онегина. Как известно, превращение человека в пародию означает внутренний разрыв с ним, создание дистанции к объекту поклонения.

Следовательно, средство раскрытия тайны гендера – дом человека, его отношение к дому. Если Пушкин дом Онегина называет «модной кельей», то дом Татьяны-княгини – это «модный дом». Модный в том смысле, что он является требованием света, «постыдной жизни мишуры». Но если это все же модный дом, как модной была «келья» Онегина, то по отношению к себе Татьяна Ларина тоже могла бы сделать вывод: не пародия ли она? И такой вывод она косвенно делает, только другими словами: «Что в них?». Но Татьяна понимает пародийность своего положения, а Онегин – нет. И она будет терпеть свое пародийное состояние, поскольку вышла замуж за светского человека.

И все же Пушкин потом дал образец гармоничных отношений мужчины и женщины в «Капитанской дочке». Такими представлены отношения Петра Гринева и Марии Ивановны, а также ее ро-

дителей, Ивана Петровича и Василисы Егоровны. Василиса Егоровна была хозяйкой в доме, но и делила обязанности своего мужа, коменданта крепости. И оба они проявили мужество, защищая крепость.

Следуя своей традиции, главной героиней повести названа Маша, капитанская дочка, которая отстояла свою честь в отношениях со Швабриным, а затем защитила честь и жизнь своего любимого человека. Храбро, мужественно и с высоким чувством чести вел себя и Петр Гринев.

Таким образом, возникает проблема идентификации гендера, имеющего маскулинный или фемининный характер. А. Пушкин специально смешивает их стереотипную половую принадлежность. В этом инновация его анализа, которая приобретает социологическую направленность. Он приписывает черты маскулинности женщине (честь, мужество), а фемининности в виде слабости – мужчине (Швабрину). Это возможно тогда, когда гендер рассматривается как отделившийся от реальных отношений полов социокультурный продукт, который имеет генетическую половую принадлежность, но получает модификацию в противоречивой социокультурной среде, которую детально и остроумно описывает А. Пушкин, но не оставляет читателя в неведении, давая ключ к разгадке всех гендерных хитросплетений.

Пушкинская традиция анализа гендера в художественной литературе Серебряного века

В качестве продолжателей пушкинской традиции в новую эпоху мы рассмотрим только двух ее представителей: А. Блока и М. Горького. Лишь для того, что бы показать, как «работает» поэтическая модель гендера, созданная А. Пушкиным в объяснении отношений мужчины и женщины. Причем, ограничим этот краткий анализ началом и концом творчества каждого.

Вначале пушкинская традиция обращения к женскому образу в частной жизни как идеалу была развита А. Блоком в стихах о прекрасной даме. Гендер женственности поднят им на пьедестал как «вечный» и воспет с различными романтическими оттенками в духе философии софийности В. Соловьева. Но все же итоговая характеристика гендера в поэме «Возмездие» реалистична: «Вглядись – увидишь ряд один / Теней неясных, вереницу / Каких-то женщин и мужчин» (Блок, Возмездие 1960, с. 311). Определенность феноменов женственности и мужественности приобрели в представлении А. Блока размытый, опустошенный характер.

Поэтому в поэме «Двенадцать» он раскрывает уже противоположный женский гендер в образе Катюшки, гуляющей по улице с революционными матросами и лишенной атрибута вечной женственности. Хотя сцена ее гибели изображена потряса-

юще: «А Катька где? – Мертва, мертва! / Простреленная голова! / Что Катька, рада? – Ни гу-гу... / Лежи ты, падаль, на снегу! / Революционный держите шаг! / Неугомонный не дремлет враг!» (Блок, Двенадцать 1960, с. 353). Особо потрясает этот вопрос к женщине с простреленной головой: «Что Катька, рада?» Его смысл в том, что Катька знала только удовольствия: «гуляла», «гетры серые носила», «шоколад Миньон жрала», но приняла смерть от человека, который любил ее, Петьки. Поэтому к нему другой потрясающий вопрос: «Али руки не в крови / Из-за Катькиной любви?» (Блок, Двенадцать 1960, с. 356). Частное принесено в жертву публичному, но революционному.

Блок немало теоретизировал и выступал с философскими докладами. Однако он в своих теоретических суждениях и оценках не затрагивал проблему отношений мужчин и женщин. Даже в докладе «Крушение гуманизма». Нет этой темы и в переписке с А. Белым (Андрей Белый 2001). В современной литературе обсуждение этой темы Блоком тоже не отмечается (Магомедова 2017). Можно было подумать, что эта проблема Блока не волновала. Однако это не совсем так. Она волновала его поэтически.

В итоговых стихах «Пушкинскому дому» драма женского и мужского, частного и публичного была разрешена Блоком в пользу «тайной свободы», то есть творческой свободы в частной жизни, как это было у Пушкина. А в доме хозяйкой выступает женщина. То есть в решении гендерной проблемы он возвращается к пушкинскому идеалу, который был представлен Пушкиным в «Капитанской дочке». Так Блок совершил свою революцию, но уже в области духа, посвятив этому переходу стихи «Пушкинскому дому».

В произведениях М. Горького противоречивость гендера в русской культуре раскрывается многообразно. Именно в это время она была предметом общественных дискуссий, активно проявляло себя феминистское движение и женщины стремились к равенству с мужчинами во всех сферах жизни.

Нужно сказать, что богатым источником для анализа гендерных отношений имела и жизнь самого писателя. Несомненно, что личный опыт писателя оказал влияние на его художественные произведения. Это отдельная сложная тема для исследования, но ее важно отметить, чтобы подчеркнуть, что его частная жизнь, как и жизнь Пушкина, обросла мифами. Достаточно назвать только книгу Н. Берберовой «Железная женщина» (Берберова 2022). Поэтому мы берем для анализа только художественный опыт Горького.

К гендерной проблеме Горький обращался с самых ранних произведений. Это идейное наследие требует отдельного большого исследования, поэтому мы приведем только ряд общих моментов с

позиции пушкинской традиции. Его интересовало, прежде всего, отношение мужчины и женщины в частной жизни. Например, один персонаж, как «человек высокой культуры, он внешне относился к женщине, как к существу умственно равному, но в глубине с иронией» (Горький, т. 2, 1949, с. 535). То есть публично мужчина относился к женщине как к равной, а в частной жизни – с иронией, освобождая себя от требований культуры.

В другом произведении Горький переходит в иную плоскость анализа: категорий мужественности и женственности. Так, его герой приходит к выводу, что «мужество в мужчине так же редко, как и женственность в женщине» (Горький, т. 2 1949, с. 43). Это суждение имеет уже статус гендерного обобщения и сразу связывает писателя с пушкинской традицией смешивания этих категорий применительно к полу, к теме пародии.

В повести «Горемыка Павел» противоречивость гендера показана уже форме социального антагонизма. Герой повести в душе был уверен, что «женщина играет в жизни громадную, всеохватывающую роль» (Горький, т. 1, 1949, с. 275), но персонажи в ней живут стереотипом, что «женщина – это вечный враг мужчины, враг, который только и выжидает удобного момента, как бы поработить и высосать кровь» (Горький, т. 1, 1949, с. 274).

Примеров таких крайних гендерных позиций в русской литературе описано много. Но больше все же чаще приписывается деструктивная роль мужчине, а не женщине. Особенно в сочинениях феминистов. Нами уже приводилась оценка Зиммеля роли женщины в культуре.

Такие крайности в анализе гендера не описываются в творчестве Пушкина. Как мы показали, смена позиций в отношениях Онегина с Татьяной произошла без антагонизма, без враждебности друг к другу, хотя их любовь, при всех элементах лукавства, что мы отмечали, получилась трагичной: они признались в любви друг к другу, но жить вместе не могли.

В одном из последних произведений, повести «Жизнь Клима Самгина», М. Горький создал своеобразную энциклопедию представлений о гендерных отношениях. Обычно это произведения анализируются как энциклопедия истории русской интеллигенции вместе с анализом их мировоззрения в его развитии (Спиридонова 2011). Но уже в этом аспекте Горький подходит дифференцированно, давая яркие образы рассуждающих мужчин и женщин. Мужчины и женщины в его произведениях всегда склонны и к общим выводам об отношениях полов. Он показал развитие человека, как «системы фраз», в его частной жизни. Причем, эти отношения показаны в их эволюции, как в прогрессивном направлении, так и в регрессивном, что ведет к «разрушению личности», что рассмотрел Горький в особой статье (Горький, т. 24, 1953).

Гендерная проблематика рассматривалась в отраженном выражении, во взаимодействии частной и публичной жизни. В «Самгине» ее вторичность нарастает от тома к тому. В первой части больше философских рассуждений, потом осмысление личного опыта, а потом уже Самгину стало важно понять, как женщина участвует в революции и остается любящей женщиной. На всем протяжении повести читатель много узнает, как интеллигенция раскрывала смысл любви. Если Пушкин говорил, что «любви нас не природа учит, а Сталь или Шатобриан», то Горький называет других учителей любви: Шопенгауэр, Соловьев и др., но тоже философов.

С этой точки зрения судьба Самгина складывалась параллельно революционным публичным процессам. И закончилась она трагично, как и жизнь Катки в произведении Блока «Двенадцать», погибая в революционных баталиях. Самгин не смог никого полюбить, как и Онегин, который все же вышел из своей «модной кельи» и проехал по России. Мы не знаем, чем закончилась жизнь Онегина. Возможно, он надеялся в путешествии на то, что изменится со временем и станет настоящим мужчиной, и Татьяна примет его любовь. Но мы этого уже не узнаем.

Таким образом, в русской литературе Серебряного века происходит развитие пушкинской традиции в воспроизведении и осмыслении гендерных отношений. Раскрытие их противоречивости доводится до исследования антагонизма. Анализ этой традиции и тенденций ее развития показывает, что носителем мужественности и женственности в социальной жизни могут быть, как мужчины, так и женщины в зависимости от реальных социокультурных условий, соотношения частной и публичной сферы.

Вместо заключения: идеальные образы гендерных отношений в произведениях Пушкина

В сочинении «Медный всадник», так и не опубликованном полностью при жизни Пушкина, создан образ простой девушки, Параша, и такой же образ Евгения, с именем как у Онегина. Но это уже не «денди лондонский», а простой чиновник. И Параша уже не подражательница мадам де Сталь, как Татьяна Ларина, а простая русская девушка. В гендерном отношении каждый из них представлен без внутреннего конфликта, как цельные личности без всякой иронии и сказочности в изображении Пушкина.

Более полно идея гармоничных отношений полов развивается в «Капитанской дочке». Пушкин в эти годы сам уже другой, создав «Бориса Годунова», проведя историческое исследование «Пугачев» и начав создание романа в прозе «Арап Петра Великого». Отсюда и возникают образы целостных персонажей. И достигается это через соотне-

сение личности с домом. Пушкин использовал тот инструмент познания личности, который применил уже в «Евгении Онегине». Упрощая структуру гендера, Пушкин возвеличил дом человека.

Идею о решающей роли дома в художественном познании личности А. Пушкиным высказал Ю.М. Лотман. Он пришел к выводу, что «в поэзии Пушкина второй половины 1820-х–1830-х гг. тема дома становится идейным фокусом, вбирающим в себя мысли о культурной традиции, истории, гуманности и “самостояньи человека”» (Лотман 2000, с. 315). Напомню, что Татьяна Ларина поняла пародийность личность Евгения Онегина, посещая его дом. Можно еще заметить, что в «Медном всаднике» Пушкин впервые в русской литературе дает образ женщины не в патриархальном, сентиментальном или романтическом стиле, а в общечеловеческом.

Эта цельность, «самостоянье человека» не были разрушены страшной природной катастрофой, наводнением. Его масштабы были велики, но поэт показывает масштаб катастрофы не через демонстрацию ее величины, а черед раскрытие глубины трагедии одного человека, потерявшего свою невесту и семейный дом, где она жила. Гендер вне дома приобретает абстрактный характер. В этом социокультурное существо концепта идеального гендера в творчестве Пушкина.

Таким образом, Пушкин дает образы идеальных и пародийных гендерных отношений. В культуре Серебряного века пародийность во многом остается в образах, созданных Блоком. Есть она и в воспроизведении новой российской эпохи Горьким. Пародийность гендерных отношений, которую впервые открывает А. Пушкин, усилилась тогда, когда атрибуты мужественности (маскулинности) и женственности (фемининности) превратились в один из предметов рынка, в привлекательную форму массовой культуры и в стремлении феминистов к «гендерной симметрии». В ответ на этот большой общественный спрос и возникла потребность в детальном анализе структуры отношения людей разного пола и стали развиваться гендерные исследования. Внимательное прочтение наследия Пушкина внесет положительный вклад в развитие этой научной дисциплины.

Источники фактического материала

Блок А. Возмездие // собр. соч.: в 8 т. Москва: Худож. лит., 1960. Т. 3. С. 295–346.

Блок А. Двенадцать // собр. соч.: в 8 т. Москва: Худож. лит., 1960. Т. 3. С. 347–359.

Горький М. Варенька Олесова // собр. соч.: в 30 т. Москва: Худож. лит., 1949. Т. 2. С. 476–568.

Горький М. Горемыка Павел // собр. соч.: в 30 т. Москва: Худож. лит., 1949. Т. 1. С. 206–330.

Горький М. Открытие // собр. соч.: в 30 т. Москва: Худож. лит., 1949. Т. 2. С. 38–45.

Горький М. Разрушение личности // собр. соч.: в 30 т. Москва: Худож. лит., 1949. Т. 24. С. 36–79.

Библиографический список

Smith, A. (2006), *Montaging Pushkin: Pushkin and Visions of Modernity in Russian 20th-c. Poetry, Studies in Slavic Literature and Poetics*, vol. XLVI, Amsterdam – New York, 361 p.

Stewart, A. (2018), *History and Identity: Pushkin and the Time of Troubles*, [Online], available at: https://scholar.smu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1005&context=hum_sci_history_etds (Accessed 03 February 2024).

Why do Russians call Pushkin “our everything”? Are there no more eminent Russian poets and writers? [Online], available at: <https://www.quora.com/Why-do-Russians-call-Pushkin-our-everything-Are-there-no-more-eminent-Russian-poets-and-writers> (Accessed 03 February 2024).

Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. 1903–1919. Москва: Прогресс-Плеяда, 2001. 608 с.

Берберова Н.Н. Железная женщина. Москва: Изд-во: Редакция Елены Шубиной, 2022. 464 с.

Бояринова П.А. Надежда Дурова: феномен гендерного беспокойства в России в первой половине XIX в. // *Женщина в российском обществе*. 2016. № 2 (79). С. 57–68.

Волков Г.Н. Мир Пушкина: Личность, мировоззрение, окружение. Москва: Мол. гвардия, 1989. 269 с.

Герасименко И.Е. Гендерные модели в текстах лингвокультуры. Монография. Praga: Publishing House «Education and Science» (Прага), 2020. 96 с.

Григорьев А.А. Искусство и нравственность. Москва: Современник, 1986. 351 с.

Дьяков А.В. Жан Бодрийяр: Стратегии «радикального мышления». Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2008. 357 с.

Зиммель Г. Женская культура // Зиммель Г. Избранное. Т. 2: Созерцание жизни. Москва: Юрист, 1996. 607 с.

Козырьков В.П. Идеи В.С. Соловьева по разработке альтернативной социологии в контексте русской духовной культуры // *Соловьевские исследования*. 2019. № 3. С. 79–92.

Козырьков В.П. Странность и приватность социологии В.В. Розанова // *Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность*. Санкт-Петербург: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2018. С. 58–63.

Леонова МП. Фрактальная перспектива на гендерные роли в сказках Пушкина (на примере «Сказки о царе Салтане») // *Болдинские чтения*. Сб. материалов международной научной конференции. Нижний Новгород: Нижегородский госу-

дарственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2023. С. 84–91.

Лифшиц М.А. Пушкин и его время. Главы незавершенной работы // Лифшиц М.А. *Очерки русской культуры*. Москва: Академический проект, 2010. С. 210–274.

Лотман Ю.М. Пушкин притягивает нас, как сама жизнь // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. Москва: Изд-во «Гнозис», 1994. С. 439–441.

Лотман Ю.М. Семиосфера. Санкт-Петербург: «Искусство-СПБ», 2000. 704 с.

Магомедова Д.М. «Крушение гуманизма» А.А. Блока и «Закат Европы» О. Шпенглера: источники и параллели // *Новый филологический вестник*. 2017. № 2(41). С. 130–155.

Набоков В.В. Пушкин и Ганнибал. Версия комментатора // *Легенды и мифы о Пушкине: Сб. статей*. Санкт-Петербург: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1995. С. 5–53.

Писарев Д.И. Пушкин и Белинский // соч.: в 4 т. Москва: Худ. литература, 1956. Т. 3. С. 306–416.

Рябов О.В. Русская философия женственности (XI–XX века). Иваново: Издательский центр «Юнона», 1999. 359 с.

Спиридонова Л.А. «Жизнь Клим Самгина» М. Горького – книга века // *Литературный календарь: книги дня*. 2011. Т. 10. № 1. С. 5–21.

Сталь Ж., де. О литературе, рассмотренной в связи с общественными установлениями. Москва: Искусство, 1989. 476 с.

Шкловский В.Б. Евгений Онегин (Пушкин и Стерн) // А.С. Пушкин: Pro et Contra. Антология. В 2-х т. Санкт-Петербург: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2000. Т. 1. С. 490–504.

References

Smith, A. (2006), *Montaging Pushkin: Pushkin and Visions of Modernity in Russian 20th-c. Poetry, Studies in Slavic Literature and Poetics*, vol. XLVI, Amsterdam – New York, 361 p.

Stewart, A. (2018), *History and Identity: Pushkin and the Time of Troubles*, [Online], available at: https://scholar.smu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1005&context=hum_sci_history_etds (Accessed 03 February 2024).

Why do Russians call Pushkin “our everything”? Are there no more eminent Russian poets and writers? [Online], available at: <https://www.quora.com/Why-do-Russians-call-Pushkin-our-everything-Are-there-no-more-eminent-Russian-poets-and-writers> (Accessed 03 February 2024).

Bely, A. and Blok, A. (2001), *Correspondence. 1903–1919*, Progress-Pleiada, Moscow, Russia.

Berberova, N.N. (2022), *Iron woman*, Publishing house: Edited by Elena Shubina, Moscow, Russia..

Boyarinova, P.A. (2016), Nadezhda Durova: the phenomenon of gender anxiety in Russia in the first half of the 19th century, *Woman in Russian society*, no. 2 (79), pp. 57–68.

Volkov, G.N. (1989), *Pushkin's world: Personality, worldview, environment*, Mol. Guard, Moscow, Russia.

Gerasimenko, I.E. (2020), *Gender models in linguistic culture texts. Monograph*, Publishing House "Education and Science", Prague, Czech Republic.

Grigoriev, A.A. (1986), *Art and morality*, Sovremennik, Moscow, USSR.

Dyakov, A.V. (2008), *Jean Baudrillard: Strategies for "radical thinking"*, St.-Petersburg State University Publishing House, St.-Petersburg, Russia.

Simmel, G. (1996), *Women's culture, Simmel G. Favorites, vol. 2: Contemplation of life*, Lawyer, Moscow, Russia.

Kozyrkov, V.P. (2019), B.C. Ideas Solovyov on the development of alternative sociology in the context of Russian spiritual culture, *Solovyov studies*, no. 3, pp. 79–92.

Kozyrkov, V.P. (2018), The strangeness and privacy of V.V.'s sociology Rozanova, *Private and public in the everyday life of the population of Russia: history and modernity*, pp. 58–63, Leningrad State University named after. A.S. Pushkina, St.-Petersburg, Russia.

Leonova, M.P. (2023), Fractal perspective on gender roles in Pushkin's fairy tales (using the example of "The Tale of Tsar Saltan"), *Boldin Readings. Sat. materials of the international scientific conference*, pp. 84–91, Nizhny Novgorod State University named after. N.I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia.

Lifshits, M.A. (2010), Pushkin and his time. Chapters of unfinished work, *Lifshits M.A. Essays on Russian culture*, pp. 210–274, Academic Project, Moscow, Russia.

Lotman, Yu.M. (1994), Pushkin attracts us like life itself, *Yu.M. Lotman and the Tartu-Moscow semiotic school*, pp. 439–441, Publishing house "Gnosis", Moscow, Russia.

Lotman, Yu.M. (2000), *Semiosphere*, Iskusstvo-SPB, St.-Petersburg, Russia.

Magomedova, D.M. (2017), "The Collapse of Humanism" by A.A. Blok and "The Decline of Europe" by O. Spengler: sources and parallels, *New Philological Bulletin*, no. 2(41), pp. 130–155.

Nabokov, V.V. (1995), Pushkin and Hannibal. Commentator's version, *Legends and myths about Pushkin: Sat. articles*, pp. 5–53, Humanitarian Agency "Academic Project", St.-Petersburg, Russia.

Pisarev, D.I. (1956), *Pushkin and Belinsky, op. in 4 vol.*, vol. 3, pp. 306–416, Khud. literature, Moscow, USSR.

Ryabov, O.V. (1999), *Russian philosophy of femininity (XI–XX centuries)*, Yuno Publishing Center, Ivanovo, Russia.

Spiridonova, L.A. (2011), "The Life of Klim Samgin" by M. Gorky – the book of the century, *Literary calendar: books of the day*, vol. 10, no. 1, pp. 5–21.

Steel, J. de. (1989), *About the literature reviewed in connection with social institutions*, Art, Moscow, Russia.

Shklovsky, V.B. (2000), Evgeny Onegin (Pushkin and Stern), *A.S. Pushkin: Pro et Contra. Anthology. In 2 volumes*, vol. 1, pp. 490–504, Publishing House of the Russian Christian Humanitarian Institute, St.-Petersburg, Russia.

Submitted: 03.03.2024

Revised: 02.06.2024

Accepted: 15.06.2024